

Наталья Бушнева

16+

Разные судьбы

Рассказы

Наталья Бушнева
Разные судьбы. Рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бушнева Н.

Разные судьбы. Рассказы / Н. Бушнева — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-07030-1

Рассказы объединены темой Великой Отечественной войны. Они будут посвящены описанию быта, жизненных проблем мирных людей того времени, которые в силу обстоятельств оказались или глубоко в тылу, или на оккупированной фашистами территории. И война будет незримо влиять на бытие людей и их дальнейшую судьбу и после её окончания. А жизненные пути наших героев, такие разные и в то же время чем-то похожие, будут магически пересекаться, несмотря на годы и расстояния.

ISBN 978-5-532-07030-1

© Бушнева Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие от автора	5
Рассказ 1. Юлия. Глубокий тыл	7
Рассказ 2. Александра. Между жизнью и смертью	16
Рассказ 3. Солдаты возвращаются домой	23
Рассказ 4. Разные судьбы. Родом из Паркоммуны	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Предисловие от автора

«За окном ненастная погода: метёт метель, завывает ветер, темно... В комнате, согретой чуть тёплыми батареями и электрическим камином, за компьютерным столиком, освещённым настольной лампой, сидела женщина. Сколько ей лет? Сразу и не скажешь... Сгорбленная сутулая фигура, морщинистые кисти рук, узловатые пальцы, слегка касающиеся кнопок клавиатуры, выдавали глубоко преклонный возраст. Но в глазах, прикрытых округлыми веками и свисающими прядями седых волос, временами, то вспыхивали озорные, весёлые искорки, то блестели слёзы, когда она внимательно перечитывала только что напечатанные её строчки.

Эта женщина писала историю своей семьи. Она торопилась зафиксировать нахлынувшие из глубин своей памяти воспоминания. Получалось что-то похожее на мемуары. А точнее – это были рассказы, описывающие события, происходящие в период времени, так или иначе связанный с Великой Отечественной войной. С войной жестокой, разрушительной, уничтожившей миллионы жизней во многих странах мира. Раны, нанесённые этой войной, не заживают до сих пор. И как отрезанная рука напоминает о себе ноющей фантомной болью, так и память о том времени жива, пока жив человек...

Её рассказы не будут посвящены военным действиям, героическим сражениям. Это будет описание быта и жизненных трудностей обычных мирных людей того времени. Однако война и её влияние на их судьбы будут незримо сопровождать их по жизни. А она об этом времени знала и многое помнила с первых дней войны, хотя с военными событиями тесно не соприкасалась. Ведь тогда она уже начала свою жизнь под сердцем своей мамы, и её сердце уже билось, и оно реагировало на эмоции, страхи, чувства её родителей...

...Женщина, сидящая за компьютером, глубоко вздохнула при размышлении о пользе и необходимости её труда. «А кому будет интересна моя судьба? Судьба-то у меня, обычная... Ну и пусть! А может быть, ещё кому-нибудь пойдут на пользу мой жизненный опыт, мои размышления о перипетиях человеческой жизни». А от мысли, что когда-то и она уйдёт из этого мира, ей становилось страшновато. И жутко было не от того, что скоро не станет физического брэнного тела, а от того, что исчезнет всё, что записано в глубинах её мозга. Не правда ли, похожие чувства охватывают владельца компьютерной техники, когда неожиданно выходят из строя и ломаются её жёсткие диски памяти. Хорошо, если вся информация продублирована на других носителях. Продублирована! Вот и люди с интересной судьбой пытаются зафиксировать свою память в воспоминаниях.

«Кто я такая в этом мире? – задавала она себе вопрос. – Возможно, я – микроскопическая в масштабах всей Вселенной живая сущность, которая ввиду ряда обстоятельств появилась на одной из планет и согласно своей природной биологической программе скоро исчезнет с лица Земли. Возможно... Но полностью ли исчезнет? А что останется?» Как химик она понимала, что останется лишь набор молекул, который потребуется для возникновения иной новой жизни? А какой жизни?.. Да любой, насколько хватит фантазии и эволюционной необходимости у Природы. И когда человек утверждает, что он в «прошлой жизни» (возможно, многие миллионы или тысячи лет назад) был динозавром или пауком, королём или пиратом, то в этом есть доля истины. Ведь количество земного вещества есть величина относительно постоянная, пополняемая только за счёт метеоритов или звёздной пыли. И вот, из этого земного депо молекул и атомов под действием солнечной энергии возрождаются новые живые существа. Жизнь на Земле – это вечная штука! Её круговорот остановить крайне сложно! И примеров этого вполне достаточно.

Известно, что некоторые растения и животные способны выживать даже в экстремальных условиях. Например, растение «Гинкго билоба», обладающее ценными лекарственными свойствами, оказалось единственным растением, выжившим в г. Хиросима (Япония) после атомной

бомбардировки этого города в 1945 году. Другой пример из мира животных. Установлено, что крысы являются крайне устойчивыми к изменению внешних условий. Они без всяких последствий переносят тот уровень радиации, который для человека является смертельным. Человек, как высшая биологическая организация, может погибнуть, но низшие примитивные существа выживают. И жизнь, в том или ином виде, продолжается!»

Но давайте мы пока воздержимся от рассуждений о вечности... Пока эта женщина, сидящая за компьютером, то есть – я, автор этой книги, ещё связана с природой живой нитью, имеет свою память, свои мысли и свою историю жизни, имеет и своё имя. От рождения мне давались разные имена: Тата, Наташа, Натка, Натуля, Наталья, бабушка Наташа, Наталья Алексеевна и просто Алексеевна. И за каждым именем скрывается своя история. И самая первая моя история началась давным-давно, и было это в другом государстве и в другое историческое столетие. А виновниками всего этого были два человека: Алексей и Юлия – мои родители. А сколько на земле таких историй сейчас? И сколько их было раньше, многие тысячи лет назад? И сколько их ещё будет!... В начале нынешнего столетия на Земле родился 7-ми миллиардный житель. И каждую секунду Земля пополняется новыми обитателями. И у каждого есть своя история – уникальная, неповторимая. У каждого есть своё детство, своё становление в жизни, своя любовь и свои пристрастия, свои дети и только свои внуки. И история жизни отдельно взятого простого человека или его семьи может оказаться любопытной, познавательной, хотя интерес к ней, возможно, будет ограничен достаточно узким кругом людей.

Не помню, кто сказал, что *«прошлое нужно знать, чтобы понять настоящее и уметь предвидеть будущее»*. Причем нужно знать не только историю своей страны, но и историю своей семьи. Знать, насколько наш мир многообразен и занимателен! А он создан из великого множества атомов, молекул и их различных комбинаций, соткан из тысячи тысяч мгновений бытия! Он бесконечен, вечен и непознаваем! Познаваемы только единичные жизненные ситуации. Вот о них и пойдёт речь в наших рассказах.

Рассказ 1. Юлия. Глубокий тыл

Ночь. На улице темно, морозно... Две женские фигуры, закутанные в шали, вышли из калитки на заснеженную тропинку. Под ногами поскрипывал недавно выпавший снежок. В холодном воздухе были разлиты тишина и спокойствие. Только изредка с соседней, главной улицы доносился или скрип санных полозьев, или ещё реже звук мотора. А потом опять наступала тишина...

Одна из женщин прислонилась к забору и тихо застонала.

– Юленька, потерпи. Жди меня здесь, я сейчас кого-нибудь найду, – сказала её попутчица и побежала по узкой тропинке в сторону главной улицы.

Тёплая одежда и сугробы путались у неё под ногами, но она торопилась, так как знала, что её подруге требуется срочная помощь. А где её найти ночью, в военное время в глубоком тылу, когда и днём-то рассчитывать на участие других не приходилось? Она надеялась только на себя и на полбуханки хлеба, спрятанного за пазухой полушубка.

Юленька на вид казалась довольно-таки полной женщиной, а с учётом её низкого роста, намотанного на голове платка, тёплого полушубка и валенок походила на колобок. Такое сходство ещё более усиливалось, когда она приседала, постанывая и обхватив живот руками.

Было поздно, темнота усиливала чувство одиночества и страха перед предстоящими испытаниями. Только в окне одноэтажного домика, стоявшего напротив через дорогу, мерцало пламя одинокой свечи. Электрического освещения нигде не было. Самое высокое здание двухэтажного универсама, расположенного рядом на перекрёстке двух улиц, зловеще темнело и поблёскивало в лунном свете стёклами витрин.

Подмораживало... Высокие деревья, укутанные кружевной шалью из снега и инея, торжественные и сказочные, стояли по обе стороны улицы. А на небе сквозь морозную дымку проглядывали далёкие звёзды. Нигде ни звука... Тишина... Вдруг вдалеке послышался крик возничего:

– Но, шалая!.. Пошевеливайся!..

С главной улицы в переулочек свернули сани. В них, примостившись боком на краю, сидела Юлина попутчица, её соседка по дому Лида. Она усиленно махала рукой:

– Юленька, вот и карета тебе подана. Давай-ка помогу, – Лида проворно соскочила на снег и побежала на помощь к своей спутнице.

Возничий – мужчина в телогрейке и стёганой шапке с опущенными ушами, тоже вылез из саней и, неуверенно потоптавшись на месте, заковылял на протезе к калитке. Подхватив с двух сторон Юлию, они осторожно вывели её на проезжую часть к саням и усадили на какую-то кошму. Мужчина взмахнул кнутом, и тощая лошадка торопливо побежала по накатанной дороге. Подруга Юлии, пристроившись рядом с ней, поддерживала её на крутых поворотах.

Вскоре сани остановились у двухэтажного здания больницы. Рядом с входом, за стеклом окна, одиноко горела керосиновая лампа, да в нескольких комнатах на нижнем этаже мерцал слабый свет. Попутчица Юлии помогла ей выбраться из саней, поднялась с ней на крыльцо и постучалась в дверь. Выглянула пожилая санитарка и ворчливо проговорила:

– И что это бабам неймётся. Идёт война, а они – рожать! – и тут же, услышав стоны роженицы, более ласково запричитала: – Ничего, ничего, милая, потерпи! Родишь солдатика, а они сейчас, ой, как нужны. Пойдём, пойдём, родная, всё будет хорошо! Первый раз к нам?

– Нет, уже второго рождает, – ответила за неё подруга.

– Ну, тогда ждите скорого пополнения, – и санитарка закрыла за собой дверь в приёмный покой.

Лидия нерешительно потопталась в прихожей и вышла на мороз. Сани ещё стояли на дороге.

– Ну как там? Всё в порядке? – поинтересовался возникший. И не дожидаясь ответа, предложил: – Давай уж отвезу тебя обратно, а то очень поздно, мало ли кто обидит.

Лида спохватилась и отдала ему в руки заранее приготовленную, но забытую впопыхах оплату за услуги – полбуханки хлеба.

– Спасибо вам на добром слове, но это всё, что у меня есть.

– Садись, не будем торговаться. Вам, бабам, тут также не сладко. Вижу, и сама-то вроде ребёночка ждёшь? Мужья-то ваши где?

– Да где им быть? Конечно, на фронте. Под Москвой они... Слышали, какие там идут бои?

– Как не слышал... видел даже. Вот, без ноги оттуда вернулся. Жаль, что в первом же бою её потерял, а то бы бил этих «гадов»! – и мужчина, сжав кулаки, со злостью потряс ими в воздухе.

А в это время в родильной палате совершалось таинство появления на свет нового человечка. Рожениц в эту ночь – ночь перед Рождеством, кроме Юлии, больше не было. Палата была освещена несколькими керосиновыми лампами. Две акушерки возились около Юлии.

– Дыши... не дыши! Дыши... Не дыши! Тужься... тужься! Не тужься! – и так около часа.

Стиснув зубы, Юлия тихо стонала, когда было невыносимо больно. И вот, наконец, долгожданные слова:

– Головка показалась! Теперь, мамаша, работай, работай, дорогая! Ну, солдатик, пошёл... Давай, давай, голубушка, тужься!

Вскоре в палате раздался писк новорожденного. Акушерка подняла над Юлией синюшного младенца.

– Ба! Да это девочка, да ещё в рубашечке! – и взглянув на висевшие на стене часы, промолвила. – А ведь сегодня Рождество! Дочь-то у тебя счастливая будет. Поздравляю, мамаша!

На календаре было 7 января 1942 года. Где-то далеко шла война, гремели взрывы, гибли люди, города превращались в руины. А здесь, в тишине, в мерцающем полумраке керосиновых ламп, появился на свет ещё один человечек. На радость или на горе? Что его ожидает впереди? Этого не знал никто...

А над южным городом, расположенным глубоко в тылу, сияло звёздное небо. Такое мирное и в то же время холодное, безучастное ко всему, что творилось в это время на земле.

Утро наступающего дня было ясным, тихим; воздух прозрачно чистым. Сквозь замерзшие, расписанные морозом окна палаты проглядывали голые ветви деревьев, опущенные снегом и подкрашенные нежным розовым светом восходящего солнца. Настоящее Рождество!

В палате было холодно. Юлия лежала под несколькими одеялами, рядом под боком спала её дочка, также закутанная в одеяла. Нос пуговкой, бровки белёсенькие и слегка припухшие, губки сжаты в тонкую полосочку, ну а щёки, как два яблока, выпирали из-под туго повязанной на головке пелёнки. Мама только что её покормила, и обе находились в благодушном, расслабленном состоянии. В палате стояло несколько коек, но они были пока пустые. В этой тишине, изредка нарушаемой звоном медицинских инструментов, вёдер и кастрюль, напоминающих об обыденной жизни родильного отделения городской больницы, Юлия вспомнила себя, маленькую...

«Детство и юность Юлии прошли в далёком отсюда уральском городке Нижняя Салда. Зимы там всегда были морозные и снежные. Горки да снежки – единственная забава малышни зимой. Катались с горок кто на чём: дощечках, коре деревьев, прутьях, связанных в пучок. Санок не было. Да и какие санки, если одежды путёвой не было. Многие дети на улицу бегали по очереди, так как зимняя обувь была не у всех. Кататься на ногах, а особенно на одежде,

родители строго-настрого запрещали, за это детей ждало серьёзное наказание. А как хотелось скатиться с горки вниз!

Юлия с улыбкой вспомнила, как она однажды, взобравшись на самый верх горки и убедившись, что её никто не видит, быстро задрала подол юбки и шубейки и с визгом скатилась вниз на голой пятой точке. А потом она бежала домой с воплями и слезами. Ведь штанишек тоже не было. Дома, боясь встретить маму, она прижала замёрзшую, ободранную попку к тёплому боку печки. Такое жестокое испытание на прочность было у неё первый и последний раз в жизни.

Летом были другие развлечения: ходили с подружками в лес по грибы да ягоды, плескались все вместе в мелкой речушке, жарились на солнышке, шлёпали на себе и на других надоедливых комаров. Но такое беспечное детство длилось недолго.

Её отец, Николай Александрович, работал на заводе мастером, семья была большая, особого достатка не было. Но каждые два-три года в семье появлялся новый кричащий комочек, завернутый в старые пеленки и одеяльца, достававшиеся по наследству от старших братьев и сестёр. Юлия была третьим ребёнком в семье, после неё было ещё двое: брат и сестра.

Когда Юлии шёл восьмой год, её мама Люба сильно простудилась. Ходила на речку полоскать бельё. Была весна, однако было ещё холодно, и дул сильный северный ветер. Женщина очень промёрзла, а на другой день слегла с высокой температурой. Диагноз – скоротечная чахотка. Тут медицина в то время была бессильна. Да и какая тогда, в начале века, была медицинская помощь в маленьком уральском городишке? Через месяц Любы не стало. Осиротели детки. Осиротел и глава семьи Николай. Осиротел дом.

С этого момента детство Юлии закончилось. Как плохо и несправедливо, когда от тебя уходит самый дорогой тебе человек – мама, родившая тебя, вскормившая своим молоком. Как хотелось Юлии в то время уткнуться в подол старого мамино платя, прижаться к её тёплому животу и ощутить на своей голове нежное прикосновение материнской руки. Но реальность была жестокой. В люльке лежала и надрывалась от крика маленькая Галинка. Самой старшей Марии было 12 лет, Тоне – 10, ей – Юлии – 8, Борису – 6 лет. Старшие дети старались поддерживать порядок в доме: нянчились с малышами, помогали по хозяйству. Время от времени на помощь приходили какие-то дальние родственницы. Но, тем не менее, дом осиротел, и ему требовалась женская рука...»

От нахлынувших воспоминаний на глаза Юлии навернулись слёзы, но в этот же миг рядом заворочалась во сне дочка, скорчила личико – пыталась заплакать, но передумала и успокоилась. Мысли Юлии снова вернулись в прежнее русло. Вспомнилось ей:

«...Отец привёл в дом мачеху. На неё, ещё молодую девушку, сразу свалилось бремя семьи, покинутой прежней хозяйкой. В доме пятеро детей – один меньше другого, а мачехе всего-то 22 года! Но муж у неё оказался любвеобильным и не думал останавливаться на достигнутом. Вскоре родилась Ниночка, потом Сашенька, Герман, Петенька, Лерочка и Зоя. В их семье стало 11 детей! Сколько Бог дал – все свои. Разница между старшим и самым младшим ребёнком была в 26 лет. Одни дети рождались, другие выросли и вылетали из родительского гнезда один за другим. Кто-то оставался в родных краях, а кого-то манили неизведанные дали.

Сначала вышла замуж за Семёна Сторожкова старшая сестра Мария, и они всю свою жизнь связали с родным городом. Потом замуж вышла Антонина за Андриана Прокушева. Вскоре её муж, достаточно образованный для тех лет мужчина, имеющий строительную специальность, стал собираться с женой и годовалой дочкой Аллочкой в дальнюю дорогу куда-то на юг, в Казахстан. Молодые люди не совсем чётко представляли себе жизнь в этом незнакомом для них краю, где, по их наивному представлению, обитали только одни кочевники-казахи и паслись стада коней и овец. Но там требовались специалисты-строители, и Андриану пообещали хорошую высокооплачиваемую работу.

Юлия, когда узнала об их намерениях, сильно загрустила, даже всплакнула, так как любила свою старшую сестру и не хотела с ней расставаться.

– Юленька, не грусти... А поедем с нами! Мне самой страшновато куда-то уезжать, но мужу обещали там хорошую работу. Поедем! И мне там не так будет одиноко, да и ты мне с ребёнком поможешь на первых порах, – уговаривала её Антонина, также не желая расставаться с любимой сестрёнкой.

Не раздумывая Юлия сразу же согласилась. Ей шёл 21-ый год, женихов у неё пока не было. Какие женихи, если в доме полно работы – куча детей и мачеха, продолжающая их рожать друг за другом. Вот и опять после пятилетнего перерыва она ходит в положении. «Хоть куда-нибудь уехать, лишь бы поскорее из дома...», – мечтала Юлия.

Как только сели в Свердловске на поезд, девушка заняла верхнюю полку и все дни лежала там и глядела в окно, впервые отдыхая от семейной суеты и наслаждаясь видом проплывающих окрестностей... Шёл 1933 год...

Поезд медленно тащился сначала по местам, очень похожим на её родную природу, потом пошла ровная, как стол, рыжая выжженная на солнце степь. Кое-где мелькали речушки с низенькими, чахлыми деревцами вдоль них, и опять степные просторы с выступающими на поверхности пятнами соли. Впервые она увидела странных животных с двумя горбами, местные жилища-юрты, людей с тёмными, как бы прокопчёнными лицами и в необычной одежде. На станциях стали подсаживаться новые пассажиры, говорящие на незнакомом языке. Всё стало чужим. А за окном вагона один и тот же унылый пейзаж – выжженная степь без края и конца.

В вагоне стало жарко и душно. Тоскливо подумалось: «Что я наделала? Куда я еду?». И только спартанское спокойствие свояка Андриана не давало развиваться бурным эмоциям. А Тоне грустить было недосуг. Всё время с утра и до вечера она была занята дочкой, пока не уложит её спать на качающуюся полку, как в колыбельку.

На одной из станций в вагон вошли новые пассажиры. Юлия как-то сразу заметила среди них одного молодого парня – высокого, со слегка вьющейся русой шевелюрой и большими, серыми глазами. На долю секунды их взгляды пересеклись, но не более того. Вскоре дальнейшие события вытеснили из памяти девушки образ этого молодого человека.

Неожиданно за окном сменился пейзаж: появились оазисы зелени, бурные реки с мутной глинистой водой, как чай с молоком. Как объяснили попутчики, вода мутная потому, что в горах идут дожди, а в другое время года вода там чистейшая, как хрусталь. На станциях торговки предлагали яблоки, дыни, арбузы, виноград, круглые лепешки вместо хлеба, отварную толчёную картошку с жареным луком, огурцы, помидоры. Такого богатства и изобилия фруктов и овощей уральцы раньше не видели. Юлия стала замечать, что не только казахи, но и русские ходили по перронам, садились в поезд, выходили на остановках. Ярко светило солнце. Люди улыбались, говорили громко, быстро и непонятно, но во всём чувствовалась какая-то доброжелательность. Девушка окончательно успокоилась и приободрилась.

И вдруг среди степных просторов над горизонтом, как мираж, возникли далёкие горы, сверкающие на темнеющем вечернем небосклоне своими белоснежными вершинами.казалось, эти вершины, окрашенные в малиновые тона лучами заходящего солнца, зависли в небе и парят над землёй. «Горы! Алма-Ата! Алма-Ата!» – восклицали все вокруг. Пассажиры высипали в коридор вагона, так как только из его окон была видна эта чудная фантастическая панорама.

Пока подъезжали, один из пассажиров, очень разговорчивый старичок, вероятно учитель истории, с большим удовольствием начал рассказывать всем собравшимся вокруг него о городе:

– Алма-Ата... Вот некоторые, я тут слышал, спрашивают: что это за город такой на краю света, и что нас там ожидает?... А город этот – молодой. Хотя, сведения о первых поселениях в

этих краях уходят вглубь веков. Как крупный торговый центр он был известен ещё в древности многим народам, так как стоял на пересечении караванных путей и назывался Алматы (Яблочное). Это название было дано не случайно, потому что только в этих местах растут чудесные яблоки – алма-атинский апорт. Вот такие большие и вкусные!

При этих словах старичок причмокнул, зажмурил глаза, а его руки с растопыренными пальцами показали размер этих яблок величиной с маленький арбузик. Видя, что вокруг него число слушателей увеличивается, он с энтузиазмом продолжил свой рассказ... Но Юлия его уже не слышала. Её внимание привлекли виды за окном вагона. В это время поезд проезжал мимо какого-то поселения: маленькие домики, окружённые садами, а на деревьях краснели дивные фрукты.

– ...Недавно было закончено строительство Туркестано-Сибирской железной дороги, – до сознания Юлии донеслись слава старого учителя. – Это событие имело для города большое значение, он стал быстрее и успешнее развиваться. Вот и мы, благодаря этой дороге, прибыли сюда поездом, а не на верблюдах, – при этом старичок хитро подмигнул всем собравшимся вокруг него. – Но мы с вами заговорились. Скоро остановка – конечная станция Алма-Ата!

Все засуетились и потянулись к выходу. Но поезд ещё долго тащился вдоль сумеречной роши, а потом как-то неожиданно вынырнул из темноты на ярко освещённый вокзал.

Андриан нанял бричку, на неё погрузили вещи, сами с трудом уместились рядышком и через вечерний город добрались до гостиницы. Это было двухэтажное здание с очень длинными коридорами, по обе стороны которых были двери, ведущие в номера. Из окна их номера виднелся тенистый парк с могучими деревьями. А с другой стороны гостиницы, как сказала дежурная, находится большой южный рынок, который называется «Зелёный базар». Антонина предложила всем завтра же посетить его.

На другой день Андриан с утра ушёл по делам, а сёстры, неся по очереди на руках Аллочку, сходили на базар, прикупили кое-что из еды. И вот когда они возвращались, нагруженные покупками, около гостиницы на Юлию, с Аллочкой на руках, буквально налетел молодой человек. Он только что сбежал с крыльца соседнего здания и, видно, сильно куда-то торопился. Столкнувшись, молодые люди молча стояли и удивленно смотрели друг на друга.

Это оказался тот сероглазый юноша, которого Юлия заметила в вагоне. Сама она в то время была довольно-таки симпатичной девушкой: круглолицая, с тёмно-карими глазами, точеным, слегка вздернутым носиком, с черными кудряшками вокруг белоснежного лица, невысокая, худенькая. Не красавица, но очень даже милотвидная. На фоне своей сестры она отличалась какой-то мягкостью черт, более ладной и стройной фигуркой. На неё часто заглядывались мужчины, а этот парень просто вошёл в ступор. Наконец Тоня сообразила забрать ребёнка с рук сестры и уйти в гостиницу. Оставшись одни, молодые люди разговорились.

– Алексей Овчинников, – представился он. – Извините, я загляделся, и чуть не сшиб вас, да еще с ребёнком... Мы, кажется, вместе ехали в одном поезде и даже в одном вагоне. Вы остановились в этой гостинице? А я – в соседней. Как видите, мир тесен! Как устроились? Что собираетесь здесь делать? Эта женщина с ребёнком, наверное, ваша сестра? Вы очень похожи. А откуда вы приехали? А я – из Ленинграда, точнее я родом из города Демянска. Слышали о таком?

Молодые люди не могли наговориться. Очутившись волею судьбы в этом новом для них месте, не имея ни друзей, ни знакомых, они интуитивно потянулись друг к другу и стали часто встречаться. Юлия почувствовала сильную симпатию к этому пареньку. И что удивительное: их судьбы были очень похожи. Юлия рано лишилась матери и воспитывалась мачехой, а Алексей рано потерял отца и воспитывался отчимом. Как только позволил возраст, он уехал в г. Ленинград и закончил там фабрично-заводские курсы ткацкого производства. После их окончания его направили в г. Иваново, где он работал мастером производственного обучения на

ткацкой фабрике. А в этом году он по зову сердца приехал в Казахстан – отсталую во всех отношениях союзную республику, которой требовались молодые образованные люди.

Вот так, Алексей и Юлия, как два листика, сорвавшиеся с разных веток и закружившиеся в вихре перемен, происходящих в молодой стране Советов, неожиданно встретились далеко от своих родных мест. Встретились и полюбили друг друга. Вскоре они поженились, а там появился и Вовочка, их первенец...»

«Ох, как он там без меня?» – тревога за сына прервала Юлины воспоминания. Она вздохнула и загрустила: «Хорошо хоть Тоня за ним присмотрит». У Юлии была договорённость с сестрой, что сынишка поживет у Тони, пока она будет в больнице. А прошлой ночью его, уже спящего, пришлось на время перенести к соседке Лиде.

В это время в палату вошла санитарка с кулечком гостинцев и запиской от Тони: «Дорогая сестрёнка, поздравляю с дочкой! Не волнуйся, Вовка у меня. Поправляйся быстрее. Твоя соседка Лида передаёт тебе привет и поздравления».

«Ну, вот и хорошо! С сыном всё в порядке. Теперь можно не волноваться», – подумала Юлия, однако её сердце сжалось, как от предчувствия беды, когда вспомнила о муже. – «Где он? Что с ним? Живой ли?.. Не знаю, куда и писать».

Алексей и Андриан в сентябре прошлого года в составе стрелковой Панфиловской дивизии были отправлены на фронт. За всё время Юлия с Тоней получили только по одному трюгальному письмецу, отправленных с дороги, из которых они поняли, что их мужчин везут под Москву. Враг подошёл к столице, и все силы военных были брошены в это жерло войны. Юлия слышала из сводок, что под Москвой идут тяжёлые кровопролитные бои. Враг рвётся в столицу. Часть москвичей была уже эвакуирована с заводами, фабриками, музеями. Вот и Мосфильм перебрался в Алма-Ату. Говорят, что скоро на экраны выйдет новый художественный фильм «Иван Грозный», отснятый уже здесь. Позднее Мосфильмом в Алма-Ате будет создан ещё ряд знаменитых кинолент тех лет: «Жди меня», «Секретарь райкома», «Она защищает родину» и др.

А сейчас продолжалась эвакуация и из других, осаждаемых фашистами городов и районов страны. На восток от линии фронта вывозились оборудование, архивы, музейные ценности. И на её родном Урале прибавилось население. Заводы в Салде, Тагиле теперь выпускают военную технику. Страна продолжает жить, трудиться, но только в других, очень тяжёлых условиях. Вот и Юлии придётся одной как-то растить и поднимать двоих ребятишек. Вовка пошёл в первый класс, а эту малышку ещё поднимать и поднимать. Кто знал, что война уже так близко и на их поколение выпадут такие жестокие испытания.

После больницы у Юлии начались повседневные будни. Один день похожий на другой. Сынок ходил в школу. Учился пока хорошо. Но что будет дальше, если муж не вернётся? У неё всего 4 класса, специальности никакой нет. Сможет ли она в дальнейшем чем-либо помочь своим детям в жизни? В первый год, как приехали в Алма-Ату, свояк Андриан устроил её на трёхмесячные курсы чертёжниц, и до рождения Вовочки она успела немного поработать. Вот и весь её трудовой стаж. А потом пошли детки. Бабушек, чтобы присматривать за детьми, не было. Из-за этого на работу не устроишься. Вот и доченька Наташка пока маленькая. Растёт потихоньку, только бледненькая она и худенькая, однако спокойная по натуре и особых беспокойств матери пока не доставляет.

Жила Юлия с детьми в центральной части города недалеко от «Зелёного базара» в бывшем купеческом доме, разделённом уже в советское время на несколько квартир. Сам дом представлял собой двухэтажное деревянное строение, выходящее своим фасадом на тротуар улицы Красина. С одной стороны с их домом за высоким забором соседствовало здание архива, а с другой – известный в то время в городе ресторан «Алатау». Фактически у них с рестораном

был один общий двор и общие ворота с калиткой. Первый этаж дома – полуподвальный, он наполовину уходил окнами в землю. На верхний этаж вела довольно-таки высокая и широкая деревянная лестница, далее переходящая в просторную веранду. С неё был вход в коридор, а там – двери в большие, светлые комнаты с высокими потолками и лепными узорами на них. Это были жилые комнаты, и всего их было пять. На нижнем этаже, куда вели каменные ступени, по-видимому, раньше при купце, располагались кухня и помещение для прислуги.

К тому моменту, когда молодая семья Овчинниковых получила в этом доме квартиру, в его планировке произошли существенные преобразования. За счёт различных перегородок и прорубленных в стенах дверей советская власть решила проблему жилья сразу для нескольких советских семей. Вместо одной купеческой, в доме стали жить целых шесть советских семей!

Наверху в двух больших комнатах жила семья Мельниковых: уже знакомая нам Лида со своими престарелыми родителями, мужем и недавно родившимся сынишкой Генкой. Рядом с ними занимала одну большую и одну узенькую комнату семья Бедельбаевых. В другой большой комнате с пристроечкой и отдельным выходом во двор жила семья Мукановых.

Семье Овчинниковых были выделены две узенькие комнатухи. Одна – входила в старую композицию дома, другая, построенная за счет части веранды, имела дощатый пол без утепления и располагалась над каменными ступенями, ведущими на нижний этаж дома. Обе комнатки были площадью по 8 кв. метров с одним окном в каждой. Первая комната, а фактически кухня, имела выход сразу на крыльцо. Снизу от каменных ступеней тянуло холодом и в дверь, и через щели в полу. Положение спасала небольшая печка с духовкой и двумя конфорками для приготовления пищи. На ней готовили еду, над ней сушили одежду, около неё грелись в морозные дни.

Внизу одну комнату и пристроенную тёмную каморку занимала семья, которую никто по фамилии не называл. Про них говорили – Нижние. А может, это и была их настоящая фамилия? Это были Мария Ивановна с дочерьми: старшей Марией и Майей, последняя была почти ровесницей Наташке. В другой полуподвальной комнате жила холостячка баба Ната.

Всё население этого дома жило как-то обособленно друг от друга, но никогда не конфликтовало. Каждый переживал военные тяготы по-своему, в зависимости от создавшихся условий. Лучше всех жили Мельниковы, что определялось их социальным статусом. Во главе их семьи неофициально стояли родители Лиды. Они являлись старожилками этого дома. Муж Лиды, и она сама всю жизнь проработали в системе правоохранительных органов. И они занимали самую лучшую квартиру в этом доме. Про остальных никто ничего определённого сказать не мог. Но все знали, что Нижняя Мария Ивановна была женщиной простой, работала уборщицей где-то на заводе, любила по праздникам выпить бражки со своей родней, а потом они все долго, с пьяным надрывом исполняли русские застольные песни. Её соседка по нижнему этажу – баба Ната жила одна, и она была такой необъятной толщины, что это наводило на мысль о её какой-то странной болезни. Конечно, все нижние жили бедно.

У Овчинниковых тоже ничего лишнего не было, но во время войны Юлия с детьми не голодала, так как ей, как жене офицера, ушедшего на фронт, и имеющей на руках двух несовершеннолетних детей выдавали денежное пособие и офицерский паёк, куда входили даже 100 гр. сливочного масла на месяц. Не очень сытно, но от голода не пухли.

Вскоре после рождения дочки Юлия получила долгожданный треугольник с фронта. Муж писал, что были длительные бои под Москвой. Ранения и сильная контузия не давали ему возможности сообщить о себе. Сейчас у него новая дислокация, они продолжают бить фашистов, но война закончится не скоро. Пусть бережёт себя и детей. Он спрашивал в письме: «Кто родился? Если это дочка, то надеюсь, что ты её назвала так, как мы договаривались – Наташка. А если это сын – то Руслан. Как Вовочка, слушается ли он тебя? Как учится? Пиши, родная. Я скучаю без вас и верю, что у тебя с детишками всё будет благополучно. Эта вера спасает меня

и придаёт мне силы. Я люблю вас. Ждите меня, я обязательно вернусь». И как будто про них в то время поэт Константин Симонов написал:

*Верю в тебя,
В дорогую подругу мою.
Эта вера от пули меня
Тёмной ночью хранила...
Ты меня ждёшь
И у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю – со мной
Ничего не случится.*

Весточка с фронта на время придала Юлии сил. Война отодвинулась от Москвы, но вокруг Ленинграда продолжалась блокада. А там до войны жила её свекровь, которую она ни разу не видела. Что с ней? Успела ли она эвакуироваться? И опять беспокойные мысли о муже. А дома маленькие дети, которые, вопреки всем невзгодам, постепенно подрастали.

В начале 44 года в южные районы Казахстана привезли целый эшелон репатриированных за какие-то грехи чеченцев. Их вывезли с теплого Кавказа в холодных, неотапливаемых теплушках. Половина этих, в большинстве своём неповинных людей, не доехала до места их нового поселения. Возможно, это делалось специально, чтобы избавиться от «лишнего, нежелательного» населения. Появились они и в Алма-Ате. Постепенно обстановка в городе стала беспокойной. Поползли слухи об убийствах, поножовщине, драках, грабежах. Вечерами стало страшно выходить на улицу.

Но периодически по ночам всем жителям их дома приходилось выстаивать очереди за хлебом и другими продуктами, которые выдавались по карточкам. Очереди занимали с вечера. Всех переписывали, в том числе и детей. На ладошках химическим карандашом писали номера, чтобы люди их не забывали. Каждый час очередь собиралась у магазина, делалась переключка, и опять переписывались номера. Иногда очередь продвигалась вперёд за счет неявившихся. К счастью, гастроном, который обслуживал их район, был рядом с их домом на перекрестке улиц Красина и М. Горького. Далеко ходить не нужно было, и возвращаться в тёмное время суток не так страшно.

В морозные дни очень плохо приходилось малым деткам. Они сильно мёрзли в очередях. Однажды в один из таких зимних вечеров у Наташки замёрзли ножки. Ничто не помогало, даже то, что Юлия часто брала её на руки, распахивала полушубок и укутывала его лапами ноги ребенка. Начались слёзы. Пришлось бросить очередь и бежать с детьми домой. А дома выступивалась натопленная с вечера печь. Юлия раздела детей. Больше всего промёрзла дочка. А вот Вовка постоянно двигался на морозе, бегал с другими мальчишками наперегонки, кидался снежками, играл в прятки. Наташка же была совсем кроха, маленькая и худенькая. Она дичилась людей и с рук матери не слезала.

Юлия попыталась растереть ступни ножек у дочки, но в ответ был страшный рёв. Тогда она надела на них шерстяные носочки, посадила Наташку на стул перед тёплой духовкой и засунула в неё ножки ребенка – пусть отогреваются. Вскоре слёзы утихли, ребёнок задремал. Но пришлось снова одеваться и идти всем на мороз в надежде, что их из очереди ещё не вычеркнули...

Ну почему так жестоко устроен мир людей? Зачем нужно было выстаивать длинные очереди, дежурить ночами и обязательно с маленькими детьми на руках, чтобы утром взять свою долю? Люди очень боялись не получить того, что им причиталось, хоть и карточки были на руках. Все боялись голода, не верили в справедливость карточной системы. Вот и изводили

себя и детишек этим неизменным атрибутом любого советского населённого пункта – очередь.

Люди боялись оказаться без пропитания, боялись, но не роптали. Что вы! Везде стукачи – сразу загремишь в НКВД. Все помнили страшное довоенное время, когда неожиданно исчезали люди и даже целые семьи. Их изымали из общества по наветам нечистых на руку, да и по совести людей. А сейчас – военное время, и контроль над настроением населения ещё более ужесточился.

Рассказ 2. Александра. Между жизнью и смертью

В то время, время жестоких испытаний, которые выпали народам страны Советов, ещё одна русская женщина, Александра, поднимала на ноги своего сыночка. И какое совпадение: его тоже звали Вовкой, как сына Юлии и Алексея!

Семья Александры перед самой войной переехала в совхоз Первомайский Запорожской области Украины. До этого они жили в городе Парижская Коммуна в Ворошиловоградской области, где и родился Вовка. После переезда хозяин семьи Емельян Бушнев был призван в армию. Службу он проходил в Дербенте и в Махачкале на Каспийском море, а с началом войны был переведён в действующую армию. Он принимал участие в боях на Северном Кавказе, освобождал Ставропольский и Краснодарский край от фашистов. Где-то рядом с ним воевал его старший брат Демьян. А средний брат Яков перед войной был назначен управляющим шахт г. Парижская Коммуна. С началом войны ему пришлось заниматься эвакуацией оборудования шахт, части специалистов в восточные районы страны.

Емельяна забрали на службу в армию, а его жена Александра или по-простому Шура осталась одна с малолетним сынишкой. Тогда Вовке было годика три. Вместе с семьёй Емельяна в совхоз переехала и Шурина сестра Нюра Резцова с дочкой Лидой. Эти две сестры, так же как и сёстры Юлия и Антонина, неразлучно шли по жизни вместе. Куда одна, туда и другая.

Фашисты были остановлены под Москвой, но восточная линия фронта всё дальше расползалась вглубь страны. Были оккупированы огромные территории: Прибалтика, Белоруссия, Украина, Крым. Неприятельские войска рвались к Волге, к Каспийскому морю. И в 1942 году немцы заняли Запорожье. Квартировали они и в совхозе Первомайский, хотя этот населённый пункт не имел для них особого стратегического значения. Сначала оккупанты активно вывезли из совхоза всё, что только можно было, то есть разграбили его полностью, угнали скот, а также часть молодёжи на работы в Германию и только после этого как-то немного успокоились. В совхозе оставались, в основном, женщины с маленькими детьми да дряхлые старики и старухи. Изредка немцы устраивали облавы на партизан. А мирное население было предоставлено самим себе: выживай, если сможешь.

Старожилы совхоза ещё как-то существовали за счет приусадебных участков и припрятанных продуктов. А у сестёр Резцовых ничего не было. Жили они, как и все приезжие рабочие, в длинном бараке, каждая из них занимала по одной маленькой комнатуске с глиняным полом. Для рабочих была отведена одна половина барака, а в другой его половине размещались служебные помещения совхоза. И там во время войны квартировали то немцы, то советские солдаты в зависимости от того, где была линия фронта. Самой главной задачей всех жителей совхоза в то время было – раздобыть хоть какое-нибудь пропитание. Скот и зерно, орудия производства и самое работоспособное население были вывезены – всё в Германию, всё только для немцев.

Шура была женщина достаточно смелая, проворная, и бог её не обидел некоторыми способностями. Она умела шить! Правда, это довольно громко сказано. Шура нигде не училась этому мастерству, но у неё была старенькая ручная швейная машинка «Зингер» и прирождённая интуиция портнихи. Она, к примеру, просто обворачивала материалом клиентку, намечала дырки для рукавов и ворота. Потом всё смело резала, собирала в складочки, пришивала рукава и воротнички. Ещё лучше получалось, если клиентка отдавала ей своё старое платье. Тогда Шура его разрезала на части – вот и готовая выкройка. И благодаря непривередливости сельских модниц у Шуры не было отбоя в заказах. Кому юбку, кому блузку или штанишки для ребёнка, а кому и платье с оборками. Таким образом, она помимо работы в совхозе потихоньку шила, но это было до войны. Потом стало не до заказов. Но машинку свою она никому не давала и прятала её от немцев во время облав.

Привели к ней как-то раз дамочку, любовницу какого-то немецкого чина. Пришлось что-то шить и этой немецкой «подстилке», как тихо, шёпотом называли такого рода женщин в то время. И старенькая машинка снова её выручала, была её кормилицей и не давала умереть с голода. Иногда бывало и невоготу.

Помнится... была сильная бомбежка. Кто на кого наступал – в этой круговерти и не понять. Авиабомба угодила в сельскую школу, расположенную совсем рядом с их бараком. Вместо школы осталась только одна глубокая воронка. Жителям барака прятаться от бомб и пух было негде, им оставалось лежать в своих комнатушках, прижавшись к полу, и ждать смерти.

Сразу после бомбёжки в барак прибежали возбуждённые соседки, схватили тазики, ножи и снова на улицу. В этом же направлении торопились и другие женщины из близлежащих домов. Оказалось, недалеко снарядом убило лошадь. Её тут же разделали со всех сторон. Вскоре от лошади ничего не осталось, даже хвоста. Этим небольшим запасом мяса все были сыты несколько дней. А потом опять жили тем, что бог пошлёт. Иногда немцы угощали детишек галетами или шоколадками. Оказывается, и среди врагов были люди!

После освобождения Запорожья в конце 43 года от захватчиков, жизнь долго не могла войти в нормальную колею. Всё было разрушено. Сеять было нечем и не на чем. Вся домашняя живность была вывезена в Германию. Весною и летом ели лебеду, крапиву, благо они на пожарах росли как никогда. Если становилось очень голодно, Шура собирала котомки со своими вещами, брала швейную машинку и со своей сестрой Нюрой уходила на несколько дней странствовать по близлежащим посёлкам и деревням с надеждой хоть что-то обменять на продукты: картошку, свёклу, семечки, кукурузу. Детей: Вовку и Лиду – приходилось оставлять одних. Уходя, матери со страхом думали: вернутся ли они назад, увидят ли ещё раз своих детей. Уходили, чтобы детей можно было хоть чем-нибудь накормить. Уходили, чтобы вернуться назад, несмотря ни на что.

А Шура не везло с детишками. Все они после рождения, не прожив и нескольких месяцев, умирали от кишечной инфекции. Вовка был у неё четвёртый и единственный оставшийся в живых ребёнок. Да и тот в годик чуть не помер. Заболел он дизентерией. Мать выхаживала его, как могла, но имеющиеся в то время лекарства не помогали. Ребёнок ничего не ел, слабел с каждым днём, а несло его как утёнка. Шура уже тайком молилась по вечерам под образами: «Боженька, забери его к себе скорее, чтобы не мучился».

И вот в один из таких беспросветных и безрадостных дней она варила чечевицу. Вовочка лежал без движения на кровати, и вдруг он увидел круглые зёрнышки. Шура заметила, как он слабо сжимал и разжимал кулачок вытянутой руки, будто просил: «Дай... Дай...». Подумала Шура и решила, что хуже уже не будет. Подошла, положила в детскую ладошку несколько разваренных зернышек. Отвернулась со слезами на глазах: была уверена, что такая еда ничего хорошего не принесёт больному ребёнку. Ведь это же не лекарство, а еда! Но через некоторое время она увидела, что ладошка сынишки уже пустая и опять требовательно сжимается. Дала ещё немного чечевицы, перекрестилась на образа: «Боженька, пожалей ребёнка!» Вовка после такой еды заснул, а вскоре у него прекратился понос, и он пошёл на поправку. Вот тебе и чечевица! А говорят, что еда – не лекарство! Кто так думает, наверное, не знает истинного порядка вещей в Природе и говорит такие глупости из-за своей непросвещённости!

А Шура тогда подумала, что недаром она родила сына 25 апреля, как раз на Святую Пасху. Вероятно, Бог внял её молитвам, сжалился над нею и оставил ей вот этого единственного ребёнка. Нужно отметить, что Шура не была слишком набожной, в церковь ходила редко, но иконы всегда висели в «красном» углу её комнаты. Но, когда в жизни случались тяжёлые дни, она всегда обращалась за помощью к Богу. Так и в этом случае Бог не отказал ей в помощи. А может, просто Природа и здоровая пища сделали своё дело?

... Так вот, Шура с сестрой, оставив своих детей, ушли на добычу хоть какой-нибудь еды. И образ умирающего от голода и болезни сынишки с протянутой ручонкой с несколькими зернышками чечевицы преследовал Шуру всё время их странствий. Мотаясь по проселочным дорогам с котомками в руках и со швейной машинкой в вещмешке за плечами, она думала только о сыне: дай бог, чтобы он только дождался её возвращения, чтобы с ним ничего не случилось.

...Ноги не слушались, расплзались по жирной грязи, плечи и руки оттягивала ноша, а в голове была одна мысль: «Надо идти дальше. Не раскисать! Дома дети одни... Их необходимо накормить. Нужно... нужно вернуться. Надо... должна... обязана... вернуться!».

А в это время дети фактически оставались дома одни без присмотра. И было им всего-то по 6 и 8 лет. Лида была старше Вовки на целых два года и считалась за старшую. Когда оставленные запасы еды заканчивались, а матери задерживались на своём промысле, иногда до трёх недель, Лида брала Вовку за руку, и они ходили по совхозу с протянутыми ручонками и громко распевали в два голоса украинские народные песни. Кое-что из еды в эти ладошки перепадало, только и ходить иногда приходилось весь день, и петь до хрипоты. Но ведь недаром говорится: «Под лежащий камень вода не течёт».

Во время своих скитаний по Запорожью в поисках еды, сёстры случайно встретились со своей дальней родственницей Катериной из города Паркоммуна, где Шура и Нюра жили до войны. Они очень обрадовались этой встрече, так как долгие два года ничего не знали о судьбе близких им людей. Катерина ездила в одно из сёл Запорожья, чтобы выяснить судьбу своей старшей сестры после ухода немцев. Она и сообщила все последние новости о родственниках из Паркоммуны.

Так, стало известно, что старший брат Шурино мужа, Демьян, в самом начале войны был тяжело ранен. Его едва живого родные буквально из-под носа наступающих фашистов успели забрать из разбитого снарядами госпиталя, и все годы оккупации его прятали в землянке в подполье. Средний брат Емельяна, Яков, вернулся в Паркоммуну после её освобождения. Сейчас живет с семьёй и как управляющий шахтами руководит их восстановлением. На ряде шахт уже началась добыча угля. Жизнь в городе постепенно налаживается, но рабочих рук не хватает.

И, наконец, самое главное. Катерина рассказала, что до родственников дошёл слух о том, что Емельян был тяжело ранен в боях за освобождение Краснодарского края. После госпиталя его по состоянию здоровья комиссовали. К Шуре с ребёнком он не смог сразу вернуться, так как они ещё находились под немцем, но и к себе на родину в село Жуковку или в Паркоммуну к брату он не приехал. Потом стало известно, что Емельян в госпитале близко сошёлся с одной санитаркой, которая его выхаживала после ранения. Поправившись, он, якобы, остался у неё жить.

– А адресок этого госпиталя я тебе могу дать, там у моей соседки находится муж на длительном излечении, – сказала на прощанье Катерина.

Женщины еще немного поговорили и разошлись каждая в свою сторону. Шура поспешила домой, всю дорогу она охала и вздыхала: вот чем обернулось её долгое ожидание весточки от мужа. И её сестра Нюра тоже почём свет бранила своего свояка. Сама она была не замужем. Отец Лидки вскоре после её рождения развёлся с женой и исчез из их жизни навсегда. Этим, наверное, и объяснялась Нюркина ненависть к мужскому полу и то, что она за всю свою долгую жизнь так и не вышла второй раз замуж.

Дома Шура, недолго думая, стала собираться в дальнюю дорогу.

– Я не верю тому, что эта Катя наговорила. Пока сама своими глазами не увижу, не поверю! Неужели и война не помеха «кобеляке» проклятому!

Шура решила взять с собой сына, невзирая на возможные трудности в пути, да ещё с маленьким ребёнком. Она надеялась, что его присутствие поможет восстановить семью. Но, все вышло наоборот. Как только она говорила, что с сыном едет разыскивать тяжело раненного мужа, ей все сочувствовали и помогали, кто, чем мог. Давали ночлег, сажали на попутные машины. И где на грузовой машине, а где и на крестьянской телеге добрались они до места. А дальше присутствие сына ей никак не помогло...

Госпиталь находился в небольшом посёлке городского типа, в бывшем доме культуры, который чудом остался целым. Оставив Вовку на улице, Шура вошла в здание, притворилась ничего не знающей дальней родственницей Емельяна. И стала выяснять, лечится ли сейчас в данном месте Емельян Бушнев.

– Лечился... – просматривая журнал регистрации больных, поправила её дежурившая в приёмном покое медсестра. – Его уже выписали.

– А вы не знаете, на какой фронт его направили? Куда он мог уехать?

– Да какой там фронт! Его комиссовали, у него было сложное ранение в живот. Да он никуда и не уезжал, живёт здесь у одной из наших, Раей зовут. Сказывал, что вся его семья погибла под немцем, – увидев побелевшее лицо Шуры, участливо спросила. – Это правда, что вся его семья погибла?

– Правда... А где его все-таки можно найти? Хотя бы приветы от родственников передать.

– Да тут недалеко. Обойди госпиталь, и там во дворе увидишь длинный барак – в нём мы все и живём.

Выйдя на улицу, Шура взяла Вовку за руку и торопливо пошла в указанном направлении. В голове все мутилось от несправедливости, от обмана. Её всю знобило, но глаза были сухими.

– Ишь ты! Все погибли!.. Я покажу тебе твою погибель, «паршивец окаянный»!

Действительно, обогнув госпиталь, она увидела длинный барак, стоящий на пустыре. Маленькие окошки были занавешены, чем придётся: где простынями, а где и газетками. На верёвках полоскалось от ветра чьё-то бельё. У входа в барак на скамеечке сидели две старухи. То ли бельё сторожили, то ли на солнышке грелись. Сначала Шура спросила о Раисе у проходившей по пустырю женщины, но та никого не знала. Потом Шура подошла к старушкам, вежливо поздоровалась и, стараясь сдержать дрожь в голосе, спросила:

– Скажите, здесь живет Райя, она в госпитале работает?

– Да, здесь живёт...

– А не знаете ли вы, живёт с ней мужчина. Зовут его Емельяном, сам он из бывших раненых.

Старушки переглянулись между собой и чуть ли не в один голос спросили:

– А кем ты ему будешь?

– Я... – его жена, а это его сын. Мы приехали из Запорожья.

– А он всем говорит, что его жена и ребёнок погибли! Так значит это неправда!? Да здесь он, здесь! Недавно видели и Раису. Она домой пришла после дежурства. Пошли, милая, мы тебе покажем их дверь.

Старухи, забыв о своём бельё, заковыляли внутрь барака. Подошли к одной из дверей и молча показали на неё – мол, здесь они. Шура оглянулась на Вовку и каким-то внутренним чутьём поняла, что он ей здесь вряд ли чем-либо поможет. Она вывела его на улицу, посадила на скамеечку и строго-настрого наказала никуда не уходить. Вернулась в барак. Старушки в сладостном предвкушении семейной разборки замерли около указанной ими двери. Когда ещё такую трагикомедию увидишь?

Шура постучала в указанную дверь. За ней тут же послышался шорох, а потом тихий женский голос спросил:

– Вам кого?

– Мне нужен Бушнев Емельян!

За дверью опять какой-то шорох, шёпот, потом тот же голос ответил: «А такие здесь не живут!».

– Не живут!?! – Шура недоумённо оглянулась на стоящих поодаль старушек, но те знаками дали ей понять, что это неправда. – Не обманывайте меня, я всё знаю! А ну, «х-х-х-х...», отворяй дверь скорее, а не то я её выломаю!

Шура из поведения стоящих за дверью и их ответов поняла, что её уже видели через окно, когда она шла к бараку с Вовкой, что муж её находится там за дверью и там же – её разлучница. И такая ярость обуяла всю её сущность до кончиков ногтей, что дальнейшее она потом вспоминала с трудом. Она двигалась как в дурмане или как в тяжёлом сне.

В широком коридоре барака, как и во всех коммунальных структурах того времени, царил беспорядок. Стояли умывальники, вёдра с помоями, углём (вероятно, им топили в комнатах печки); тазы и корыта висели по стенам, чтобы не очень мешали; сюда же все складывали ненужное барахло. На глаза Шуры попала кочерга. Она схватила её и, что было силы, стала молотить ею по двери. Дверь была тонкая с фанерными вставками вверху (вероятно, там когда-то были стёкла), и такая дверь, конечно, не смогла выдержать ударов рассвирепевшей женщины. Через образовавшуюся дыру в двери Шура кочергой скинула крючок и ворвалась в комнату как ураган.

А там были чистота и порядок. На столе, расположенном посередине комнаты и застеленном чистой скатертью, стояла банка с полевыми цветами, на окнах висели беленькие занавесочки, в углу комнаты стояла кровать с никелированными спинками. Около кровати стояла женщина с побелевшим от страха лицом. И больше в комнате никого не было. На кровати громоздилась куча одеял, прикрытая покрывалом, а сверху – гора подушек и подушечек. И вот эта кровать в первую очередь привлекла Шурино внимание своей какой-то неестественной высотой и пышностью. Догадка, как молния, пронеслась в её возбуждённом мозгу. Она подбежала к кровати и стала двумя руками сбрасывать на пол все эти атрибуты семейного благополучия. И вот под последним одеялом на матрасе она увидела своего мужа. Он лежал, вжавшись в кровать, расплющившись в лепёшку, глаза его с ужасом взирали на свою разъярённую супругу.

– Ах ты, гад! Ты ещё и прячешься!

Шура схватила со стола банку с цветами. Букетом нахлестала ему лицо, а воду выплеснула на его причинное место. Но этого Шуре показалось мало. Её постоянно раздражала хозяйка квартиры, которая всё время мешала ей совершать правосудие и умоляюще о чём-то её просила, хватала за руки. Шура толком не рассмотрела её и даже после этого события, никак не могла вспомнить её лицо. Вспоминался только её округлившийся живот.

Жена, оскорблённая изменой мужа, выскочила в коридор, схватила чьё-то ведро с помоями, забежала снова в комнату и расплескала все эти отходы человеческого бытия по кровати вместе с её мужем, занавескам на окнах, обуви, стоящей в углу у двери. Затем она бросила пустое ведро и выбежала из барака. Её сопровождал одобрителный гул выглядывающих из всех дверей женщин. Этому способствовал шум семейной ссоры, да и бабушки – старушки, вероятно, подсуетились и всех собрали на бесплатное представление.

Шура взяла Вовку за руку и почти бегом поспешила подальше от того места, где были растоптаны её мечты о семейном счастье. Вот ведь как несправедливо устроена жизнь, что соединила её Александру с таким непутёвым мужиком. А ведь как всё хорошо начиналось.

Братья Бушневы: Демьян, Яков и Емельян, жившие в селе Жуковка Курской области, очень часто ходили на посиделки в соседнее село. Там они и приглядели себе жён: Демьян женился на Софье, Яков – на Полине, а Емельян – на ней, на Александре. И вот теперь жизнь их всех раскидала. Демьян с семьёй – в Черкесске, Яков с семьёй – в Паркоммуне, и вот только она, Шура, осталась одна-одинёшенька при живом муже. И где? Далеко от родных мест, в разорённом войной чужом совхозе... Но нет! Она не одинока: у неё есть сын, есть и сестра, с

которой она в самые трудные годы делила и радость, и горе. Да и дети их: Вовка и Лидочка, как родные брат и сестра. Нет, она не одинока!

Вернувшись к себе в совхоз, Шура старалась больше не вспоминать о происшедшем. Нюре она, конечно, всё рассказала, ведь она привыкла всегда советоваться со своей старшей сестрой, и она доверяла ей свои тайны. Поговорили они, поплакались друг дружке и решили, как говорится: *«С глаз долой, из сердца вон!»*.

Сёстры устроились в совхозе рабочими: там начались пахотные работы, строительство и ремонт разрушенного жилья. В совхоз откуда-то пригнали небольшое стадо коров и пару бычков для возрождения совхозного стада. Жизнь потихоньку стала налаживаться. К тому времени была освобождена вся территория Советского Союза. Бои шли уже за его пределами, но враг был ещё силен, и почти все мужчины страны воевали. В совхозе приходилось работать одним женщинам и старикам. Изредка домой возвращались покалеченные и списанные с ратной службы фронтовики. Тем не менее, приближение конца войны чувствовалось во всём.

И вот, наконец, наступило это долгожданное событие – май 1945 года. 2 мая был взят Берлин. «Советские солдаты в самом центре фашистского логова, на руинах рейхстага! «Ура»! «Победа»! Над куполом рейхстага развевается красный флаг страны Советов. И оставшиеся в автоматах пули летят в небо...» И такой сюжет в фильмах о войне всегда вызывал у советских людей вполне законную гордость за своих солдат. Без преувеличения они спасли мир от фашистской чумы!

Однако после падения Берлина тяжёлые бои шли ещё в Чехословакии, где действовала почти миллионная группировка противника. И вот, наконец, советские войска при активной поддержке местного населения полностью очистили Чехословакию от гитлеровцев, а 9 мая 1945 года освободили Прагу. Всё: *Война закончилась! Победа!*

В Москве и во всех городах-героях гремели салюты, проходили митинги, вспоминали погибших. Все ликовали и все плакали одновременно. Позднее, в честь дня Победы будет написана песня, в которой очень тонко подмечена эта особенность всенародного праздника.

*Этот День Победы порохом пропах.
Это праздник с сединою на висках.
Это радость со слезами на глазах,
День Победы! День Победы! День Победы!*

В совхозе тоже устроили митинг перед правлением, т. е. на пустыре перед баракком, где жили наши сёстры. Говорили речи, плакали, кричали: «Ура!», «Победа!». Через час все разошлись по своим рабочим местам: полям, скотным дворам, мастерским... Время не ждало, нужно было возрождать жизнь на порушенной земле, сеять хлеб, строить дома, школу. Женщины стали ждать возвращения своих мужей с фронта. А Шуре уже некого было ждать. В своей семейной жизни она поставила жирную точку. А зря! Ведь поспешила, однако.

Примерно через год проездом к ним в совхоз заглянула Катерина из Паркоммуны и сообщила последние новости: Емельянова зазноба родила в прошлом году мальчонку. Емельян и второго своего сына назвал Вовкой. Но женщина не выдержала родов и вскоре умерла. Емельян остался с мальцом один. Пытался он пристроить его к своей новой родне, да что-то там не клеилось. Рассказала Катерина, что кто-то из Паркоммуны ездил к Емельяну и видел этого малыша. Уж очень он в плохом состоянии: весь в болячках, цыпках, одежонка грязная, какой-то больной, едва-едва стоит на ножках.

– Вот что, Шура, тут все родственники перед моим отъездом собрались и обсудили такое положение. Мне поручили сказать тебе: ты одна здесь с сыном мучаешься, мужской руки дома нет, а там Емельян тоже один с малышом. А малышу материнская ласка нужна, уход, иначе не

выживет он. Ну, чего вы будете вспоминать то, что уже прошло. Другим-то ещё хуже, чем вам живётся. Бабы по ночам плачут в подушку, оплакивают похоронки, а осиротевшие дети маются по детским домам... – женщины всплакнули, помолчали.

– Вы оба ещё молодые, у вас ещё дети могут быть, – продолжала Катерина. – Миритесь и живите вместе. Вот и Яков, он сейчас большой начальник, зовёт вас к себе и готов вам отдать под жильё времянку в своём саду. А там и свой дом постройте. Ну, чего вы тут с Нюрой мучаетесь на чужбине? Так и будете жить в этом бараке, где даже пола настоящего нет... Подумай о Вовке, ведь он подрастает, ему мужская рука нужна. А в Паркоммуне – всё-таки родня...

И в том же духе без перерыва Катерина щебетала около сестёр почти весь вечер. Вначале Шура возмущённо её перебивала, потом слушала молча, вздыхала. Под конец сказала:

– Ненавижу я его! Не могу через себя переступить! Ну а малыша мне жалко. Вон сколько сирот осталось после войны... – помолчала, встала решительно. – Уже поздно, пойдём спать, Катюша. Завтра утром договорим. Я тебе постелю на лавке, не обессудь.

Наутро, попив горячего кипяточку, заваренного сушёной морковкой, Катя тронулась в путь. Ей ещё предстояло заехать за своей сестрой и забрать её к себе в Паркоммуну. Ещё в тот свой первый приезд она хотела это сделать, но сестра воспротивилась: всё ждала весточки с фронта от мужа. Ну и дождалась похоронки. Теперь её ничто не удерживало в Запорожье. Прощаясь с Шурой, Катя снова спросила:

– Так что мне ответить Якову?

– Скажи ему спасибо за его желание помочь мне. Действительно, тяжело нам здесь с Нюрой. Но, если я и вернусь, то только вместе с ней. Вместе при немцах лебеду ели, вместе и новую жизнь будем строить. А Емельяну пусть передадут: я на него зла уже не держу, перегорело всё. Сынишку его я ему помогу поднять, он всё-таки моему Вовке братик. Ну, а ко мне пусть близко не подходит! Не-на-вижу!

Через некоторое время с дипломатической миссией и повинною головою приехал Емельян. Долго не объяснялись, и так всё было ясно. Шура и Нюра уволились из совхоза, собрали вещички, и вернулись они все в Паркоммуну, в свой родной город.

Рассказ 3. Солдаты возвращаются домой

Прокатилась война по многим странам, как многотонный вал, и унесла с собой только в Советском Союзе 20 миллионов жизней. Кто погиб на фронте от пуль и снарядов, кто в тылу от голода и холода, а в оккупации люди умирали и от того, и от другого. Между прочим, от пандемии испанки, разразившейся во всём мире в начале XX столетия, умерло столько же, т. е. 20 миллионов. Чем измерить страдания, выпавшие на долю живших в то время людей? Можно заново отстроить дом, восстановить мост или завод, посадить дерево, но конкретную человеческую жизнь не вернёшь – это безвозвратно. А сколько осталось после войны людей покалеченных, больных и физически, и морально. А сколько сирот? Война – это самое большое зло, которое изобрело человечество за тысячелетия своего существования!

Закончилась Вторая мировая война... Фашизм был побеждён. Отгремели праздничные салюты, преданы земле погибшие... И воины-победители стали возвращаться домой. Возвращались также освобождённые, уцелевшие узники концлагерей. Теперь эшелоны переносили людей от западных границ на восток, навстречу со своими родными местами, семьями, детьми. Но не все вернутся с фронта, и не все вернувшиеся смогут застать у родного очага своих близких.

Возвращался домой и Алексей – муж Юлии. Ушёл он на войну в звании младшего лейтенанта, а закончил её майором запаса. Все годы войны от начала до конца был в действующей советской армии. В составе Панфиловской дивизии с осени 1941 года он участвовал в тяжёлых боях под Москвой. Весь личный состав этой дивизии стойко отражал бешеный натиск танковых частей противника. Всем известен героический подвиг 28 Героев-панфиловцев в районе разъезда Дубосеково. Почти все они пали смертью храбрых, а слова политрука Клочкова, сказанные в том бою, молнией облетели весь фронт и стали символом геройской отваги и верности своей родине: *«Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва»*.

*Был враг силен. Но встали 28,
Смелы, непоколебимы как стена.
Мы бережно в сердцах солдатских носим
Панфиловцев отважных имена.
В тот день взошла звезда их боевая
Сквозь горький дым, над муками земли.
Свою столицу грудью прикрывая,
Бессмертные герои обрели.*

Это стихотворение неизвестного автора точно отразило величие совершённого тогда подвига солдат в боях под Москвой. Алексей в тех боях оборонял другую железнодорожную станцию – Крюково. Эта станция находилась всего в 40 км от перрона Ленинградского вокзала столицы. Командир батальона, защищающего подступы к этой станции, Баурджан Момыш-Улы в патриотическом порыве отказался от пользования картой юго-восточнее Крюково. Он отрезал её и велел сжечь: «Нам не понадобится ориентировка в дорогах, речках, населенных пунктах, что лежат позади Крюково... Мы или отбросим немцев, или умрём там». В этом бою Алексей был тяжело контужен. А сколько было погибших! Но враг был остановлен и в декабре 1941 года отброшен на 100–350 км от Москвы. Примечательно, что останки «Неизвестного солдата» для мемориала возле Кремлёвской стены позднее были взяты из братской могилы на станции Крюково.

И до чего же эти события и судьбы людей в этом мире оказались взаимосвязанными. В честь 28 Гвардейцев-панфиловцев был назван парк в Алма-Ате, рядом с которым находилась

гостиница, где познакомились и полюбили друг друга Алексей и Юлия. Рядом с этим парком в дальнейшем им дали квартиру, их дети бегали сюда играть, а позднее ходили на свидания. Рядом с этим парком располагались школы, куда ходили учиться их дети. Этот парк своим названием постоянно напоминал молодому поколению о подвиге их отцов. А внук Алексея и Юлии, Сергей, по воле судьбы стал жить и работать рядом с разъездом Крюково в городе Зеленограде, где когда-то в этих местах сражался его дед. Там же теперь живёт и его правнук Миша. Что это – случайность или магия цифр, событий, названий... или это судьба?

Впоследствии Панфиловская дивизия дошла с боями до границ Советского Союза и в 1945 году вступила на земли врага в районе г. Кенигсберга. С 6 по 9 апреля шёл штурм города советскими войсками, который закончился нашей победой. В тех жестоких боях также участвовал Овчинников Алексей. И опять же – это случайность или судьба? Через десять лет под Калининградом (бывший г. Кенигсберг) будет проходить воинскую службу старший сын Алексея Владимир.

Пришлось Алексею в самом конце войны, когда враг в Берлине был уже повержен, оказаться в Чехословакии и принимать участие в её освобождении от фашистов. День Победы он встретил в Праге. За ратные подвиги Алексей был награжден 3 орденами Красной Звезды, 4 медалями: «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией» – и 32 личными благодарностями Сталина.

И вот теперь наш герой после тяжёлых фронтовых дорог, покалеченный, но живой, возвращался к себе домой в Алма-Ату. Поезд с каждой минутой уносил его всё дальше и дальше от разрушенных и истерзанных войною городов, деревень, лесов, полей. Уносил вперёд к новой жизни. А дома его ждала молодая жена, сынишка и родившаяся уже без него в первый год войны дочурка.

Паровоз натужно пыхтел, выбрасывал чёрные клубы дыма и победно гудел на всех перегонах: «Еду!.. Е-д-у-у!» Сердце радостно билось в такт колёсам вагонов, которые весело стучали: «До-мой!.. До-мой!.. До-мой!...».

Был конец августа. Стояла чудесная тёплая погода. Летняя жара пошла на убыль, но осень пока не наступила. Листва на деревьях ещё не успела окраситься в жёлтые и оранжевые тона и, омытая недавним дождём, блистала изумрудной чистотой. Весь город буквально утопал в зелени. Ярко светило солнце. А над городом вдали высились в туманной серо-голубой дымке снежные вершины величественных гор.

На привокзальной площади, казалось, собрался весь город. Цветастые платья женщин, огромные букеты цветов всех оттенков радуги, красные флаги, транспаранты на здании вокзала – всё было ярко и празднично. Люди были возбуждены, на многих лицах застыло тревожное ожидание. В основном это были женщины и дети, хотя встречались и старики в чистых, наглаженных рубашках, и крайне редко мужчины помоложе в выцветших гимнастёрках.

Среди этой толпы глаз отмечал ладную фигурку молодой женщины. Чёрные кудряшки обрамляли белоснежное округлое лицо. Красивые тёмные глаза и точёный носик дополняли образ. Она держала за руки тёмноволосого мальчугана десяти лет и девочку со светло-золотистыми локонами, рассыпанными по плечам. Ну чем не образ современной мадонны?!

Девчужке шёл четвёртый годик. Она крепко держалась за руку матери и настороженно разглядывала разноликую толпу. В её руках был букетик ярко-красных астр. Временами она забывала про цветы и размахивала ими, пытаясь крутиться на одной ножке, насколько ей позволяла рука матери.

– Да не вертись ты, Наташка! Ну, всю руку оттянула! Потерпи немножко. Скоро наш папочка приедет! А цветы отдай-ка братику, а то от них скоро один веник останется. Вова, возьми-ка у неё букет и держи его как следует!.. Дети, потерпите ещё немножко. Скоро, очень скоро мы будем вместе...

Вдруг лёгкий шёпот, как ветерок, пронёсся по площади и как бы приглушил голоса людей. И, действительно, все перестали разговаривать и притихли. И в тот же миг откуда-то издалека, с правой стороны от станции, раздался долгий, протяжный гудок паровоза. Неожиданно громко заговорил взволнованным женским голосом динамик, висевший на столбе. Но ничего уже нельзя было разобрать в шуме людской толпы, которая всколыхнулась в едином порыве и устремилась на перрон, обтекая здание вокзала с двух сторон.

– Едут! Едут! – раздавались голоса.

Юлия подхватила Наташку на руки, крепко сжала ладошку сына, и её толпою встречающих вынесло на перрон. Уже ближе снова раздался победный гудок паровоза: «Е-ду!... Е-ду!...»

Замедляя ход, мимо толпы встречающих сначала быстро, а потом всё медленнее и медленнее стали мелькать вагоны. В открытых окнах, на подножках виднелись люди в военной форме. Они махали снятыми фуражками, пилотками, бескозырками, что-то кричали. На их гимнастерках вспыхивали в солнечных лучах и тут же гасли золотые и алые огоньки орденов и медалей. Всё было настолько ярко и празднично, что Наташка стала подпрыгивать на руках матери, махать руками и, как все на перроне, звонко закричала: «У – я! У – я!».

Всё медленнее и медленнее проплывал состав мимо перрона. Наконец, он остановился. Тут же из вагонов высыпали люди в военной форме и сразу же перемешались с разноцветной толпой встречающих. Все смеялись, обнимали друг друга, целовались и почему-то многие плакали. Где-то грянул духовой оркестр, заглушая крики людей, зовущих друг друга и пытающихся найти в этой суматохе только кого-то одного, своего единственного.

Наташка и не заметила, как мама опустила её на землю и прижала к себе. Держась за юбку матери, девочка с интересом разглядывала вокруг себя чьи-то бегущие ноги, обутые в поношенные туфли, брезентовые тапочки, сапоги. Туда-сюда мелькали ноги. Туда-туда... Она очнулась, когда мама затрясла её за руку.

– Дети, смотрите: вот и наш папка идёт! Алёша! Мы здесь! Таточка, это твой папа! Вовочка, вот мы и дождались отца!

Наташа подняла вверх глазёнки и увидела перед собой очень высокого, как ей показалось, худого мужчину в военном кителе и с фуражкой на голове. Одной рукой он уже прижимал к себе Вову, а другой обнимал и... целовал её маму?! Затем он немного отступил назад, весело засмеялся, нагнулся к Наташке, и вдруг она высоко-высоко взлетела вверх. Сердечко её сжалось от страха и в то же время от какого-то дикого восторга. Она оказалась где-то высоко над толпой разгорячённых, кричащих что-то и бегущих непонятно куда людей. Наташка была готова заплакать от страха и неожиданности, но не успела.

В следующий миг большие, сильные руки подхватили её и прижали к широкой груди. Красивые звёздочки, висевшие на груди отца, его добрые смеющиеся глаза, ласковые уговоры матери сделали своё дело и, как гипнозом, повлияли на неё. И она, страшась и замирая, прижалась к тёплой шершавой ткани военной формы. Так вот он какой, её папочка!

Потом они все вместе долго выбирались из толпы на привокзальную площадь. Люди не торопились уходить. Собравшись группками, они бурно что-то обсуждали и время от времени бросались друг другу в объятия. Другие – метались среди толпы и тревожно выкрикивали чьи-то имена. Играла гармошка, и молодой солдатик лихо что-то отплясывал, с ожесточением вбивая каблуки сапог в землю...

Глава семьи шёл впереди и, как ледокол, прокладывая дорогу среди кричащих, плачущих и ошалелых от счастья людей. Он постоянно оборачивался к идущим за ним его Юлечке и деткам и всё время улыбался от избытка чувств. Откуда-то подъехала чёрная легковушка, и после душного и сумасшедшего окружения толпы все очутились в прохладном салоне машины с мягкими сиденьями.

Наташка впервые ехала в автомобиле. Её поразил резкий контраст между тёмным жутковатым нутром машины и ярким солнечным светом, бьющим во все её окна. Но ей уже не было страшно. Она сидела на коленях у своего отца и смотрела вперёд. А он же, наоборот, без конца оборачивался назад к своей остальной семье, все ещё не веря, что они, наконец, все вместе... И уже дома, прижимая к себе детей, он заверил свою жену:

– Ну, Юленька, теперь у нас начнётся новая жизнь. Для начала ты мне родишь мальчика, и назовем мы его Русланом, а потом – девочку. И будет она Людмилой, как в сказке Пушкина «Руслан и Людмила». И жить мы будем, как в сказке!

Да! В то время всем хотелось хоть чуть-чуть пожить в сказке. Они заслужили это право на мечту. Четыре долгих года солдат мечтал о том, что война закончится, что враг будет разбит, что будет Победа, что он останется живым, и для него снова будет светить солнце, снова будут смеяться дети, и счастья хватит на всех!

Вскоре Алексею довелось испытать не менее радостные чувства. Из Ленинграда к нему приехала его мать Прасковья. Она рассказала, что перед самой блокадой Ленинграда ей со вторым сыном Николаем и невесткой удалось эвакуироваться в Вологодскую область. Николая по состоянию здоровья на фронт не взяли. Сейчас они снова живут в Ленинграде, но там пока не очень хорошо живётся: все разрушено и голодно. И вот Прасковья решила погостить у своего третьего сына Алексея. От неё также стало известно, что четвёртый её сын, Валентин, который перед самой войной служил на западной границе в чине лейтенанта, ещё в 1941 году пропал без вести, защищая Брестскую крепость.

Алексею горько было слышать о гибели уже второго своего брата и о душевной болезни Николая. Хорошо, хоть мама жива и здорова. Алексей был очень рад её приезду, хотя всем пришлось здорово уплотниться. К этому времени у него, как по заказу, родился долгожданный сын Русланчик. Семья насчитывала уже пять человек: двое взрослых и трое детей. Овчинниковы ютились в настолько маленькой квартирке, что поставить детскую кроватку было просто некуда. Достаточно сказать, что в их спальне помещались лишь полутора спальная кровать, шифоньер и диван. В углу комнаты примостился маленький столик, больше похожий на тумбочку, чем на стол. Русланчик спал на стульях, приставленных к стене и для надежности связанных верёвкой.

Узкие проходы между спальными местами всех членов семьи не давали возможности даже поставить раскладушку для бабули. Пришлось ей ютиться на узеньком диванчике вместе с пятилетней внучкой Наташкой. Но мать есть мать, и взрослые мирились с дополнительными расходами и сжатием жизненного пространства. А об улучшении жилищного положения пока и не мечталось. Война только-только закончилась, и значительная часть материальных ресурсов уходила из восточных регионов Союза на запад страны, на восстановление основательно разрушенного там хозяйства.

Да, было очень тесно, но Алексей приговаривал: *«В тесноте, да не в обиде»*. К сожалению, с теснотой пришла и обида. Всё бы было ничего, но характер у Прасковьи был прекверный. Свою невестку Юлию она почему-то невлюбила. Было несколько случаев, когда она специально, сделав какую-либо пакость, без зазрения совести сваливала всё на невестку. Например, она могла подсыпать соли в уже готовый борщ, да так, что он становился негодным к употреблению, и вся семья оставалась без обеда. Первый раз Алексей не понял, что к чему, и встал горой за мать. Юлия проглотила обиду со слезами, но смолчала. А когда подобные «шуточки» повторились, Алексей сообразил, что его мать несправедлива к его жене, и мудро рассудил:

– Мама, я тебя люблю и уважаю, но у меня дети. Вон они – мал-мала меньше. Юлия отличная мать и хозяйка. Я её никогда ни в чём подобном не замечал, но самое главное – я её люблю. И прошу мою жену больше не обижать. Если это тебе не нравится, то погостила, нас

повидала, пора и домой. Там всё-таки у тебя отдельная комната есть, а здесь мы тебе и угла выделить не можем.

Старушка не стала спорить, для приличия пустила слезу и отбыла к себе домой в Ленинград. Но почему-то никто не горевал по поводу её отъезда, а дети очень скоро её забыли. Когда Наташка стала учиться в школе и научилась грамоте, отец заставлял её писать бабушке письма. Старшего сына Владимира невозможно было уговорить, это сделать. А Наташка, не показывая неудовольствия, красивым почерком аккуратно исписывала страничку и посылала её бабушке, которую она уже успела позабыть и образ которой ей смутно представлялся. Ну, ничем бабушка Прасковья не запомнилась пятилетней девочке! Хотя та на всю жизнь запомнила момент встречи отца на перроне вокзала после его возвращения с фронта. А ей тогда было всего-то 3,5 годика.

Возможно, такое внимание внучки к бабушке сыграло впоследствии свою роль. Когда через много лет бабушка Прасковья стала чувствовать приближение своего конца, она передала своим внукам украшения. Наташе – позолоченный перстень, очень красивой и необычной формы: на веточках висели пять ягодок – пять бриллиантиков. Младшей Людмиле (она появилась на свет спустя 6 лет после рождения Руслана) достались маленькие бирюзовые серёжки. Это были фамильные ценности. Но откуда взялись эти украшения в когда-то бедной семье?! Что-то тут не очень стыкуется.

А дело было в следующем. Глава семьи, муж Прасковьи – Василий, работал железнодорожным урядником. Он рано ушёл из жизни от какой-то болезни, оставив сиротами четверо детей: Степана, Николая, Алексея и Валентина. Алексею в то время было 10 лет. В стране шла гражданская война. Детей нужно было как-то поднимать на ноги. И вскоре Прасковья вторично вышла замуж за мелкого ювелира. И вот если первый муж оставил Прасковье в наследство только детей, то второй муж – фамильные ценности, сделанные своими руками.

Общих детей у Прасковьи со вторым мужем не было. Кроме Алексея не было детей и у других её сыновей: у первого сына Степана, расстрелянного в период Сталинских репрессий, у второго сына Николая, с которым она жила вместе в Ленинграде и который страдал душевным расстройством. Не оставил после себя потомство и самый младший сын Валентин, пропавший без вести в самом начале войны. Таким образом, у Прасковьи были единственные внуки – это дети Алексея. Поэтому его дочери и стали наследницами ювелирных украшений бабушки Прасковьи. А мальчишкам от неё ничего не осталось на память.

После отъезда Прасковьи в Ленинград в семье снова воцарился мир и порядок. Вскоре родился и четвёртый запланированный ребёнок – доченька Людмилочка. Вот и осуществилась давняя мечта Алексея. Ровно 10 лет назад, лёжа на больничной койке с тяжёлой контузией, полученной в боях под Москвой, он мечтал о том, что вернётся домой живым, и у них с Юлией будут ещё дети: Руслан и Людмила. И будут они жить как в сказке! На удивление с детьми получилось так, как было задумано. Но получилась ли сказка?

После войны Алексей устроился заместителем управляющего в Хозу Совета Министров. Зарплата для одного неплохая, но на шестерых – крайне мало. Денег постоянно не хватало. Приходилось жить скромно и экономить на всём. Невзирая на это, Алексей и Юлия радовались тому, что они все вместе, пусть в очень тесной, но в своей квартирке, и рядом с ними их любимые желанные дети. Они мечтали о счастливом светлом будущем своих детей и верили, что войны больше никогда и нигде не будет.

Рассказ 4. Разные судьбы. Родом из Паркоммуны

А в это время на другой земле, на Луганщине, пыталась наладить между собой отношения другая семейная пара: Александра и Емельян. Вернувшись после войны из Запорожья в Паркоммуну, они нашли приют у Емельянова брата Якова, который на первое время выделил им времянку в своём саду. Вскоре взрослые устроились на работу в стройконтору: Шура и её сестра Нюра – разнорабочими, Емельян – каменщиком. Детей записали в школу: Вовку – в первый класс, а Лиду – во второй. Стройконтора выделила для своих новых рабочих временное жильё – две небольшие комнатки в финском доме.

После этого Емельян уехал и через пару дней привёз своего второго сынишку. У Шуры, глядя на худенькое тельце мальчонки и грустный взгляд его серых глаз, сердце сжалось, и слёзы навернулись на глаза... Вспомнились ей её детки, не успевшие подняться на ножки. Подошла она к ребёнку, взяла на руки и прижала к своей груди.

– Ма... ма... – то ли вопросительно, то ли утвердительно пролепетал малыш.

После разрушительной войны нужно было восстанавливать не только жильё, но и нарушенные семейные связи. Вообще-то Яков был за то, чтобы жена его брата Емельяна помирилась со своим мужем и простила ему все его измены. Но Шура была непреклонна: её чувства к Емельяну уже перегорели, и она согласилась только помогать ему в воспитании его малыша.

Город Парижская Коммуна, куда вернулись наши герои, находился на территории Луганской области Украины (в разные годы название несколько раз менялось на Ворошиловоградскую область и наоборот). А Паркоммуна – это был небольшой городок горняков. Он располагался в 5 км от города Коммунарска, знаменитого металлургическим и химическим комбинатами. Из труб этих предприятий постоянно и днём, и ночью клубами шёл дым. Причём из каждой трубы шёл свой дым, своей окраски. Трубы и дым над заводами были как бы визитной карточкой города металлургов. А достопримечательностью города Парижская Коммуна были возвышающиеся терриконы шахт.

В это время многие в городе начали строиться и постепенно перебираться из времянок и землянок в добротные дома. Построили свой дом и Емельян с Шурой. Район города, где им выделили участок под застройку, в основном состоял из частных домов. Их участок вплотную примыкал к территории стройконторы, где работали родители двух Владимиров: старшего и младшего, а также их тётка Нюра. Строились своими силами. И то, что стройконтора находилась рядом, было удобно и с этой позиции. А когда они перебрались в новое жильё, то ходить на работу стало настолько близко, ну всё равно, как пройти в конец своего огорода. Кроме того, Шура могла днём контролировать жизнь своих мальчишек, так как всегда можно было выделить минутку и забежать домой.

После постройки дома заложили сад, стали сажать огород, держать кур и поросят. Своё натуральное хозяйство здорово спасало их в то голодное время. Семейный быт постепенно налаживался, но вот личные отношения между Шурой и Емельяном несколько не изменились.

Старший Вовка рос, как все мальчишки в то время: большую часть дня он был предоставлен сам себе. Родителям нужно было зарабатывать на хлеб. Несмотря на то, что Вовка был белобрысым, характер у него был цыганистый. Он считал в порядке вещей обратиться к совершенно незнакомым людям с какой-либо просьбой: дайте, уступите, помогите и т. п. В этом у него не было комплексов. Вероятно, годы невзгод и лишений, жизнь в оккупации отложили на его характере свой отпечаток. Когда от голода сводит живот, о приличиях не думается. Ему с сестрой Лидой часто приходилось ходить с протянутой рукой по людям, и то, что попадало в эти руки, они не считали подаванием, так как это они зарабатывали своим пением – горланили, как могли, украинские песни.

Возможно, раннее развитие голосовых связок дало результат. Впоследствии, уже, будучи взрослым, Владимир любил петь песни, но пел их он очень громко, по привычке часто горлачил. У него был отличный музыкальный слух, и все удивлялись его способности сесть за пианино и двумя руками подобрать любую мелодию. И этому его тоже никто не учил. Да, война отложила свой отпечаток на юное поколение. При подобающем образовании был бы свой Марк Бернес или Лещенко. Но, возможно, у него могла быть и другая судьба.

Но в то время люди радовались миру, окончанию войны и в своих мечтах далеко не возносились. О чём можно было мечтать в то время в разрушенной фашистами Украине? Приходилось больше думать о хлебе насущном, о крыше над головой, чем об образовании. К примеру, Шурина двоюродная сестра, работающая на селе учительницей, иногда присылала своему племяннику в подарок настоящие школьные тетрадки. Думалось ей, что Вовка на них будет писать, набираться ума, разума. А Вовка с Лидой несли их на толкучку и распродавали эти тетрадки поштучно. В то время это был большой дефицит. На вырученные деньги дети покупали хлеб и приносили его домой. Что делать – нужда!

Тем не менее, учился Вовка хорошо. Он мог бы получать и более высокие оценки, если бы не его непоседливый характер. Уроки он делал быстро-быстро и торопился скорее сбежать на улицу к мальчишкам. Его беспокойный и шептунный характер много раз доставлял и ему, и его родителям большие неприятности.

Когда ему было два года, он умудрился вылить на себя целый чайник кипятка. Большой эмалированный чайник стоял на горячей плите, а сбоку свисала на веревочке привязанная к ручке крышка. Красивая такая крышечка, расписанная узорами. Разве думали взрослые, что их благие намерения во спасение красивой крышечки от падений и ударов обернутся такой страшной бедой для маленького несмышлёного ребёнка.

Вовочке очень понравилась эта крышечка, и он решил её взять поиграть. Потянул за крышку – не даётся в руки, дернул сильнее, и... струи кипятка обкатали его с головы до ног. Малыш закатился от боли в страшном крике. Шура получила затрещину от мужа. А дальше вспоминать страшно: у ребёнка были обожжены лицо, грудь (особенно грудь), частично ручки, и была страшная боль... Долгих шесть месяцев лежал Вовочка в ожоговой палате местной больницы с привязанными к кровати руками, чтобы не расчёсывал саднящие раны. На всю жизнь у него на груди остался безобразный шрам от ожога. Но в древние времена говорили: «шрамы украшают мужчину». И Вовка следовал этому изречению и дальше...

Играли как-то мальчишки в войну. Разделились на два лагеря по месту жительства, понаделали луки со стрелами. Один из пацанов, как первобытный охотник, сделал стрелу с каким-то особым каменным наконечником. С такой стрелой в пору на мамонта охотиться. И вот эта стрела попала Вовке в спину, хорошо хоть не в глаз. Наконечник пробил одежду и впился между рёбер. Стрелу вытащили, рану замазали йодом, забинтовали. Но на всю жизнь осталась на спине память о том сражении.

Когда Вовка стал постарше, то пристрастился играть с ребятами в карты. Мальчишки прятались от взрослых на пустыре за больницей, залезали в лопухи и самозабвенно резались в карты на деньги. Как-то заигрались они и забыли, что настало время идти в школу.

Пришла Шура домой на перерыв и видит, что портфель сына стоит на месте, а его самого дома нет. Взяла она веник, он как раз попался ей под руку, и побежала искать сына. Она знала, что мальчишки часто играют где-то в районе больницы. Нашла их, тихо подкралась, да как огрела веником сыночка по спине... Да благо бы мягкой частью, а то ручкой. А веник был связан жёсткой проволокой, и конец закрутки торчал на ручке, как штырь. От удара веником Вовка, как змей, прогнулся и дико заорал от боли. Затрещала разорванная рубашка, потекла кровь. Вовка с воплем побежал прочь, не разбирая дороги... А Шура – за ним, недоумевая, почему тощий облезлый веник оказался таким жестоким и кровавым оружием. И опять у Вовки пострадала спина, и опять шрам.

Были неприятности и пострашнее крови. Со второго класса в школе ввели изучение немецкого языка, столь ненавистного тогда всем советским людям, особенно тем, кто побывал в плену или в оккупации. Ребятам учить его не хотелось, и всегда на этих уроках они много шумели, безобразничали. Вот и Вовка решил отличиться. Вызвали его к доске и заставили читать и переводить текст с немецкого языка на русский. Попалась ему фраза: «Геноссе Сталин таг», что означало «День товарища Сталина». А Вовка прочитал немецкие буквы на русский манер, и получилось «Товарищ Сталин – гад». Какой это был ужас! У учительницы волосы поднялись дыбом, и она чуть не лишилась чувств. Это по её-то предмету, в её присутствии, её ученик и в такое страшное время! Ах! Ах! Ах! Не забывайте: Сталин был ещё жив, и время перемен ещё не наступило.

Перепугалась учительница не на шутку и скорее Вовку к директору. А тот тоже не захотел подставлять себя и в срочном порядке собрал педсовет, вызвал родителей Вовки с работы. Информация дошла и до стен НКВД. Сначала хотели пришить восьмилетнему мальчишке антисоветскую пропаганду и выгнать его из школы, да и родителям не поздоровилось бы. Еле уладили это дело. Посмотрели: родители малограмотные, занимаются тяжёлым физическим трудом, и им не до пропаганды. Да и пацан ещё дурачок – решил рассмешить класс, да не тот объект выбрал для своей шутки.

Вообще с товарищем Сталиным Вовке не везло. Когда в 53 году великий вождь всех народов умер, в школе, в день его похорон, как и по всей стране во всех мало-мальски заметных организациях, проходил траурный митинг с речами, слезами и клятвами построить светлое коммунистическое будущее. И не было на этом митинге только одного Бушнева Вовки. Его обнаружил директор школы сразу после митинга в спортзале, где тот отрабатывал махи на «коне». Дело в том, что паренёк в это время увлёкся спортивной гимнастикой и готовился к городским соревнованиям. Ему оказали доверие: защищать честь школы. Какой там митинг, когда у него никак не получался взмах ногой над «конём». Опять разразился скандал! Помог учитель физкультуры Андрей Иванович, который встал за Вовку горой и спас его от возможного исключения из школы. И это только благодаря тому, что Андрей Иванович, бывший фронтовик, разведчик, имел боевые награды и многочисленные ранения. К его мнению прислушались и оставили Вовку в школе.

Нужно сказать, что увлечение гимнастикой сильно преобразило юношу. Он раздался в плечах, накачал мышцы, стал более организованным, начал лучше учиться. Ему уже не хватало времени на всякие мальчишеские проказы. Но занятие спортом для Володи осложнилось тем, что своего гимнастического инвентаря в школе не было, кроме коня да каната. И на тренировки ему приходилось ездить в соседний город Коммунарск, где при одной из школ был оборудованный спортивный зал. Его спортивным наставником до окончания школы стал обычный учитель физкультуры, уже известный Андрей Иванович. А среднюю школу Владимир окончил с достаточно хорошими результатами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.